

Глаголы *tupu*, *skulu* и *vilja* как способы выражения футуральности и драматургия «Саги о Храфнкеле»

Павленко Анна Алексеевна

студентка

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

email: annapavlenko@inbox.ru

В системе древнеисландского глагола нет грамматикализованных способов выражения футуральности, поскольку временная парадигма строится на оппозиции 'предшествование–непредшествование', а отнесенность действия к плану будущего чаще всего передается посредством конструкций с модальными глаголами *skulu* и *tupu*. Формы презенса изъявительного наклонения в футуральной функции в независимых предложениях встречаются редко, в придаточных предложениях они, наряду с формами презенса сослагательного наклонения, напротив, регулярно выполняют эту функцию. Окказионально футуральное значение приобретают формы императива, а также презентные формы таких глаголов, как *vilja* «хотеть», *verða* «становиться» и др, т. е. глаголов, в семантике которых присутствует футуральный компонент.

Доклад освещает особенности функционирования указанных глагольных способов выражения футуральности в языке «саг об исландцах» на примере «Саги о Храфнкеле». В центре внимания стоят конструкции с глаголами *tupu* и *skulu*: в грамматиках древнеисландского языка *tupu* рассматривается как основной способ отнесения действия к плану будущего (will, shall, as an auxiliary verb simply denoting futurity, followed by infinitive [Cleasby, Vigfusson, 439]), *skulu* – как частотный способ выражения футуральности, осложненной модальностью долженствования, обусловленности (связь с и. е. корнем *skel – 'owe, should' [Lehmann, 314]). Следует отметить, что семантика глагола *tupu* в конструкциях с футуральным значением также включает в себе модальный компонент, который может быть представлен в различных, на первый взгляд, не связанных между собой вариантах (намерение, прогноз, предположение), объединенных, однако, широко понимаемым компонентом ментальной активности (связь с индоевропейским корнем *men – pursue mentally, think [Lehmann, 260]). Другие способы выражения футуральности вводятся в рассмотрение по мере их появления в тексте и в сопоставлении с традиционно выделяемыми способами передачи футуральности. Исключение составляет глагол *vilja*, что обусловлено его частотностью в «Саге о Храфнкеле».

Выбор текста в первую очередь обусловлен тем, что «Сага о Храфнкеле Годи Фрейра» невелика по объему и обладает цельной композицией, что делает ее особенно удобной для текстоцентрического анализа. В сюжете саги четко выделяется центральный конфликт – противостояние годи Храфнкеля и бонда Сама, ходатайствующего за небогатого Торбьёрна, сына которого убил Храфнкель. Основной метод работы – сплошной анализ контекстов, в которых имеются конструкции и формы с футуральным или потенциально футуральным значением, причем учитываются не только показатели ближайшего контекста, но и функция употребления формы в конкретной сюжетной ситуации и в конечном итоге в рамках всего текста. Формы и конструкции, передающие отнесенность процесса к плану будущего, употребляются почти исключительно в прямой речи персонажей (установка на засвидетельствованность), поэтому анализировались, прежде всего, монологи главных героев, в которых своеобразным образом маркируют границы между своеобразными «актами драматического действия» и содержат наиболее важную информацию о развитии конфликта – условия и требования, которые главные действующие лица предъявляют друг другу.

Глагол *skulu* употребляется преимущественно в правовых ситуациях и передает информацию об обязательстве или неотложной необходимости осуществить действие: установление отношений между хозяином и работником: *Þú skalt reka heim fimm tigu ásaudar í seli og víða heim öllum sumarviði* – «Ты должен пасти пятьдесят овец на летнем пастбище и собирать хворост»¹, – говорит Храфнкель Эйнару, принимая его на работу;

¹ Здесь и далее перевод контекстов дается по изданию «Исландские саги» в двух томах, том II, 1999 г..

принесение клятвы: *því að eg hefði hér allmikið um mælt, að þeim manni skyldi eg að bana verða, sem honum riði* – «Ибо я клятвенно обещал покарать смертью всякого, кто на него [Коня Фрейра – А. П.] сядет»; осуществление приговора суда: *sá annar, að þig skal leiða úr garði brott og þá menn, sem mér líkar, og vera drepinn* – «Первое – это тебя уведут со двора, тебя и всех, кого я пожелаю, и там убьют», – Сам Храфнкелю. Вместе с тем конкретные семантические оттенки употребления форм тесно связаны с характером того персонажа, в речи которого они встречаются. Так, Храфнкель предлагает Саму выбор между двумя возможностями разрешения конфликта: *að vera drepinn – hinn er annar, að eg skal einn skera og skapa okkar í milli* – «либо ты будешь убит, либо подчинишься моему решению». Выше Храфнкель нигде не принимает на себя обязательств и не подчиняется установлениям закона (в его монологах глагол *skulu* первого лица единственного числа не встречается); здесь же его собственные намерения и решения приобретают статус закона.

Глагол *munu* преимущественно употребляется в прогностических контекстах: *Af honum munum við ekki fá, nema þú sért í flutningi með okkur* – «Мы ничего не добьемся, если ты не замолвишь за нас слово», – говорит Сам Торкелю; а также в тех контекстах, где выражается намерение говорящего осуществить какое-либо действие: *Mun þá eg annast þig til dauðadadags* – «Я стану заботиться о тебе до самой твоей смерти» – в речи Храфнкеля, сильного, самоуправного человека, который не подчиняется никаким авторитетам. Анализ примеров показывает, что формы первого лица единственного числа глагола *munu* противопоставлены всем остальным в то отношении, что именно в них с наибольшей ясностью проявляется модальный компонент намерения.

Глагол *vilja* в независимом предложении, как правило, не обозначает действия, отнесенного к плану будущего (желание заявляется и осуществляется в настоящем), однако создает условия для выявления футуральных оттенков в семантике зависимого инфинитива или предиката придаточного предложения (желаемое достигается в будущем). Существенно, что этот глагол употребляется почти исключительно в речи Храфнкеля, в форме первого лица единственного числа, что обусловлено характером пресонажа: *Eg vil, að þú komir aldrei á bak honum...* – «Я хочу, чтобы ты никогда не сел на него [на Коня Фрейра – А. П.]», – говорит Храфнкель Эйнару.

Таким образом, перспектива повествования о событиях будущего в «Саге о Храфнкеле» раскрывается в трех основных планах: *skulu – munu – vilja*. Выбор той или иной формы обусловлен свойствами личности говорящего и его ролью в ситуации, но определяющее значение все же имеет риторическая его установка.

Литература

- Cleasby R., Vigfusson G.* An Icelandic–English Dictionary. Oxford, 1874.
Hrafnkels saga freysgoða. Halle (Saale), 1952.
Lehmann W. P. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden: E.J. Brill. 1986
Morris Ph. M. Das Futurum in den altisländischen Sagen: Ausdruck und Auswendung, München, 1964.